

Сигал К. Я. Текстобразующая функция присоединения в поздних рассказах В. Г. Лидина / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 129—147. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-129-147.

Seagal, K. Ya. (2021). Text-Forming Function of Addition in the Later Stories of V. G. Lidin. *Nauchnyi dialog*, 4: 129-147. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-129-147. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-129-147

Текстобразующая функция присоединения в поздних рассказах В. Г. Лидина

Сигал Кирилл Яковлевич

orcid.org/0000-0001-9400-4587

доктор филологических наук, главный
научный сотрудник, заведующий
отделом экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания Российской
академии наук

(Москва, Россия)

Text-Forming Function of Addition in the Later Stories of V. G. Lidin

Kirill Ya. Seagal

orcid.org/0000-0001-9400-4587

Doctor of Philology, chief research
scientist, Head of the Department
of Experimental Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом анализа выступает присоединение как явление языка и речи, а также специфика текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве. Актуальность исследования состоит в том, что до сих пор в теории синтаксиса нет общепринятого взгляда на сущность присоединения и на то, как оно продуцируется в речи, а также не учитывается, что текстообразующая функция присоединения обладает своеобразием в разных речевых сферах, в частности в художественно-речевом творчестве. Новизна исследования заключается в том, что присоединение представлено как особая синтаксическая форма, характеризующаяся своей семантикой и формально-конструктивной организацией и определяющая допущения и ограничения своей речевой реализации. Показано двойственное проявление текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве. В качестве материала исследования взяты поздние рассказы В. Г. Лидина, вошедшие в сборник «Таяние снегов» (1980): этот писатель, чьей метапоэтике свойственно пристальное внимание к синтаксису, употреблял присоединение с необыкновенным мастерством. При анализе присоединительных конструкций в трех рассказах обнаружено, что присоединение продуцируется намеренно, в расчете на текстовую перспективу. Установлено, что текстообразующая функция присоединения проявляется, с одной стороны, в организации композиционно-смысловой связи, а с другой стороны, в создании художественной детали.

Ключевые слова:

текстообразующая функция; присоединение; присоединительная конструкция; художественная речь; метапоэтика; установка; рассказ; В. Г. Лидин

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of analysis is addition as a phenomenon of language and speech, as well as the specificity of the text-forming function of addition in artistic and speech creativity. The relevance of the study lies in the fact that until now in the theory of syntax there is no generally accepted view of the essence of addition and how it is produced in speech, and it is also not considered that the text-forming function of addition is unique in different speech spheres, in particular in artistic speech creativity. The novelty of the research lies in the fact that addition is presented as a special syntactic form, characterized by its semantics and formally constructive organization and determining the assumptions and limitations of its speech implementation. The dual manifestation of the text-forming function of attachment in artistic and speech creativity is shown. The research material is based on the late stories of V. G. Lidin, included in the collection "Melting Snows" (1980): this writer, whose meta-poetics is characterized by close attention to syntax, used addition with extraordinary skill. When analyzing addition constructions in three stories, it was found that the addition is produced intentionally, counting on a textual perspective. It has been established that the text-forming function of addition is manifested in the organization of compositional-semantic communication on the one hand, and in the creation of an artistic detail on the other hand.

Key words:

text-forming function; addition; addition construction; artistic speech; meta-poetics; installation; story; V. G. Lidin.

Текстообразующая функция присоединения в поздних рассказах В. Г. Лидина

© Сигал К. Я., 2021

1. Введение

Как известно, присоединение было обстоятельно описано В. В. Виноградовым в его стилистических наблюдениях над «открытыми», или «сдвинутыми», конструкциями в синтаксисе «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. Согласно указанию В. В. Виноградова, «присоединительными можно назвать такие конструкции, где части не умещаются в одну смысловую плоскость», «где подчеркнуты субъективные разрывы. Перспектива от этого раздвигается вглубь: разрыв заполняется экспрессивными намеками» [Виноградов, 1980, с. 233].

Присоединение получило весьма неоднозначную и, можно сказать, противоречивую характеристику в современной синтаксической науке. Так, В. В. Виноградов рассматривал присоединение как «смысловую связь» [Там же, с. 233], Е. И. Диброва и Б. Турсунов — как «особый вид синтаксической связи» [Диброва, 2008, с. 260; Турсунов, 1993], Т. Л. Ваулина — как «особую связь <...> текстового уровня» [Ваулина, 2011, с. 8], наконец, А. А. Зализняк — как «коммуникативную стратегию» [Зализняк, 2017, с. 24]. Ясно, что присоединение не может быть всем этим одновременно, но при этом для того, чтобы понять сущность присоединения, крайне важно связать в единый узел все названные аспекты присоединения.

Если Л. В. Щерба полагал, что присоединение состоит в том, что «второй элемент появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания» [Щерба, 1958, с. 80], то в развитие этой мысли о одновременности появления присоединяющего и присоединяемого элементов синтаксисты стали «определять присоединительные связи по признаку непреднамеренности, неожиданности», что «вызывает определенное возражение» [Турсунов, 1993, с. 13]. Последнее малоприспособно даже по отношению к разговорной речи, применительно же к художественной речи такой взгляд на присоединение представляется вовсе ошибочным.

Вслед за В. В. Виноградовым, утверждавшим, что при присоединении «смысловое соотношение» частей «не усматривается из союзов, а выводится из намеков, подразумеваний или из сопоставления предметных значений синтагм» [Виноградов, 1980, с. 233], некоторые синтаксисты выдвигают идею о том, что, например, при присоединении с союзом *а* «прямой

необходимости в союзе *a* для выражения отношений между предложениями нет» [Попова, 1950, с. 380]. Однако присоединение обслуживается целым рядом специализированных (типа *da u*) и неспециализированных (типа *u, a*) союзов, причем, отбирая один из них, говорящий (и тем более пишущий) передает тот или иной необходимый ему смысловой оттенок. Само наличие в языке ряда союзов, осознаваемых как маркеры присоединения, исключает их асемантическую.

Присоединение обычно трактуется как связь, замкнутая в смысловой обращенности присоединяемого элемента к присоединяющему, поддерживаемой иногда повторами и / или анафорическими отношениями. Между тем наблюдения над художественной речью свидетельствуют о том, что присоединение участвует в текстообразовании, обеспечивая не только композиционно-смысловую связь, но и создание художественных деталей. Именно по этой причине текстообразующую функцию присоединения следует рассматривать с учетом художественно-речевого творчества конкретного писателя, имеющего определенную фиксированную установку (по Д. Н. Узнадзе) на присоединение.

Подчеркнем, что термины *присоединение*, *присоединительная связь* и *присоединительная конструкция* неоднородны по своей понятийной отнесенности. Если термин *присоединительная конструкция* обозначает собственно присоединяемый элемент вместе с союзом (при его наличии), то *присоединение* и *присоединительная связь* — термины-синонимы, обозначающие полноту контекста связи: присоединяющий и присоединяемый элементы, а также союз (при его наличии). Маркером присоединения, как отмечал еще Л. В. Щерба, является прежде всего «фразовое ударение, иногда пауза и вообще интонация» [Щерба, 1958, с. 80]. Просодический аспект присоединения требует отдельного экспериментально-фонетического исследования, при синтаксическом же подходе к присоединению вполне достаточной представляется его общепринятая просодическая характеристика (ср., в частности, [Крючков, 1950, с. 401]).

Целью настоящей статьи является разъяснение, с одной стороны, сущности присоединения как явления языка и речи, а с другой стороны, специфики текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве.

Актуальность статьи заключается в том, что, во-первых, до сих пор в теории синтаксиса не выяснена сущность присоединения, хотя само явление отмечается лингвистами с первой половины XIX века; во-вторых, нет общепринятой трактовки того, как продуцируется присоединение в речи; в-третьих, отсутствует четкое понимание того, какую конструктивно-семантическую роль выполняет при присоединении тот или иной союз

(в особенности союз *a*); в-четвертых, нет представления о том, что текстообразующая функция присоединения обладает своеобразием в разных речевых сферах, в частности в художественно-речевом творчестве.

Научная новизна статьи состоит в том, что присоединение представлено в ней как особая синтаксическая форма, обладающая своей семантической и формально-конструктивной организацией и своими особенностями продуцирования, а также в том, что обнаружено двойственное проявление текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве. Кроме того, новым является учет метапоэтики и фактора установки в раскрытии специфики текстообразующей функции присоединения в художественной речи.

В настоящей статье материалом для наблюдений послужили поздние рассказы известного русского писателя советского времени Владимира Германовича Лидина (1894—1979), написанные им в последние два года жизни и вошедшие в книгу «Таяние снегов» (1980 год). Выбор материала обусловлен тем, что, во-первых, присоединение — один из излюбленных синтаксических приемов в поздних рассказах В. Г. Лидина; во-вторых, писатель довольно регулярно употребляет присоединительные конструкции с союзом *a*, отделяя их запятой (именно эта реализация присоединения, которую традиционно рассматривали как сложносочиненное предложение с сопоставительно-присоединительными отношениями [Попова, 1950, с. 380], анализируется в статье); в-третьих, для изучения текстообразующей функции присоединения требуется довольно компактная текстовая структура, какой является рассказ. Важно отметить, что в рассказах В. Г. Лидина присоединение свойственно преимущественно авторской речи.

Присоединение в рассказе как малой форме эпической прозы стало употребляться во многом по той причине, что «малый объем и предельная краткость изложения предъявляют особые требования к <...> интонации и эмоционально-оценочному слову, подтексту и художественной детали» [Огнев, 1978, с. 5].

2. Метапоэтика В. Г. Лидина: особое внимание к синтаксису

Под метапоэтикой, вслед за К. Э. Штайн, понимается «поэтика самоинтерпретации автором своего или другого текста» [Штайн, 2015, с. 555—556]. Метапоэтика отображается, с одной стороны, в «эксплицированном метапоэтическом тексте», то есть в «работах художника по поэтике, статьях, эссе о поэзии, языке, творчестве» [Там же, с. 550], а с другой стороны, в «имплицированном метапоэтическом тексте», то есть в «системе метаэлементов, представленной в самом художественном тексте, определяющей условия, условности, характер самого сообщения» [Там же, с. 552].

В рассказе В. Г. Лидина «Монолог на просеке» старый писатель Чекрыгин, беседуя с соседским мальчиком Герасиком, как будто бы сомневается в возможности метапоэтики (в особенности того, что называется эксплицированным метапоэтическим текстом), когда говорит: «Из образа, из случайной царапины воображения рождается тема, целая симфония иногда, только как это выразишь, этого ни в одной теоретической статье не выразишь. Паучок плетет паутину по всем геометрическим законам, но спроси его о Пифагоре, он будет только хлопать глазами» [Л-63, с. 42—43]. Однако метапоэтическое чутье В. Г. Лидина, учившегося в Лазаревском институте восточных языков и более тридцати лет преподававшего в Литературном институте им. А. М. Горького, выразилось как в имплицированных (во многом неизбежных в художественной речи), так и в эксплицированных метапоэтических текстах.

Метапоэтике В. Г. Лидина, раскрытой в метапоэтических текстах обоих типов, присуще особое внимание к синтаксису. На это указывают, во-первых, размышления о творческой работе над фразой; во-вторых, лаконичные формулы творческого почерка других писателей и запечатленные в памяти их художественно-речевые кредо; в-третьих, образно-бытовое употребление термина *синтаксис* в авторской речи, свойственное, например, рассказу «Таяние снегов». Если первые два случая представляют эксплицированный, то третий случай — имплицированный метапоэтический текст.

В. Г. Лидин подчеркивает, что «искусство слова» «требует органического, поистине музыкального ощущения фразы» [Там же, с. 19], так как в творчестве художника слова «фразе свойственны и усиление, и ослабление, и *crescendo* <...>» [Там же, с. 36]. При этом В. Г. Лидин замечает, что «гибкость писательского языка менее всего подразумевает ломку грамматики: грамматика во всех случаях остается законом» [Там же, с. 34]. Имея в виду синтаксические приемы (в частности, инверсию), В. Г. Лидин пишет о том, что «стиль образуется не в результате технического совершенствования приемов писателя, а в результате углубления его мысли и необходимости возможно полнее и доходчивее выразить эту мысль» [Там же, с. 21]. Писателя волнует то, как синтаксические (и пунктуационные) находки художника слова отбрасываются в ходе редакторской и корректорской правки (В. Г. Лидин осуждающе называл это явление «словесной каллиграфией» [Там же, с. 33]). Ср.: «Любая инверсия, любая по-своему построенная, иногда не в соответствии с формальными грамматическими правилами фраза вызывает сейчас же появление на полях рукописи редакторской “птички”» [Там же, с. 16]; «Если у автора один из его персонажей скажет негромко: “Пойдем”, то корректор <...> поставит восклицательный знак, хотя слово “пойдем” прозвучит при этом как призыв или даже приказ» [Там же, с. 34].

Создавая лаконичные формулы творческого почерка других писателей, В. Г. Лидин то и дело обращался к своим впечатлениям от синтаксиса их прозы, от особенностей их фразы. Говоря о литературе конца XIX века, он отмечает: «Еще в конце прошлого века пришел Чехов со своей короткой, емкой фразой с ее глубочайшим подтекстом; прозвучали афористическая речь Горького, суховатая, отточенная фраза Бунина» [Там же, с. 17]. Вспоминая об А. Белом, писатель констатирует у него «странное построение фразы», а также то, что тот стремился «сломать старый синтаксис, <...> разрубить как бы на плоскости существующую прозу» [Л-91, с. 150—151].

В эссе «Алексей Толстой» В. Г. Лидин, рассказывая о своей встрече с писателем-классиком в 1922 году в Берлине, воссоздает художественно-речевое кредо Толстого в области синтаксиса. Еще до этой встречи в письме В. Г. Лидину Толстой с огорчением писал: «Должен сказать, что у вас, москвичей, что-то случилось с языком <...> прилагательное позади существительного, а глагол — в конце предложения. Мне кажется, это неправильно. Члены предложения должны быть на местах: острота фразы должна быть в точности определения существительного, движение фразы — в психологической неизбежности глагола» [Там же, с. 115]. Во время разговора на улице Толстой выхватил из рук В. Г. Лидина стопку листов будущей книги и стал ее разбрасывать. В. Г. Лидин вспоминает: «— Что, — ликовал он (Толстой. — К. С.) затем, когда я, лавируя между машинами, собирал по всей улице листки, — пособирай, пособирай... Будете знать, как разбрасывать фразу! Придет время, начнете так же собирать. Он преподавал мне предметный урок правил русской грамматики в ту пору, когда фраза действительно летела неизвестно куда <...>» [Там же, с. 115].

В рассказе «Таяние снегов» В. Г. Лидин четырежды употребляет термин *синтаксис* в образно-бытовом значении ‘уклад’, предваряя и обобщая авторское повествование о том, что произошло в жизни вдовца Петра Романовича после того, как его сын Михаил женился и переехал к родителям жены. Ср., с одной стороны: «*В сущности, все произошло так, как и должно быть по правилам жизни, по ее синтаксису, но оказалось все же, что существует и другой синтаксис — человек с его душой, с его сердцем и мыслями, нередко и горькими, хотя и не признаешь себе в этом;*» «<...> *но это именно и был тот неписанный синтаксис, который каждый раз по-новому создает жизнь*» [Л-80, с. 291], а с другой стороны: «*И хотя у жизни есть свой синтаксис, свои грамматические правила, нередко вторгнется то, что нарушает эти правила и заставляет многое продумать заново*» [Там же, с. 294]. Образно-бытовое переосмысление термина *синтаксис* в художественно-речевом творчестве В. Г. Лидина свидетельствует об актуализированности синтаксиса в стилистическом созна-

нии писателя, создающей потребность в речевой объективации термина как элемента художественной «ткани» рассказа.

В эксплицированных метапоэтических текстах В. Г. Лидина о присоединении напрямую ничего не говорится, однако в его рассказах удельный вес присоединительных связей весьма значителен. В сборнике рассказов «Таяние снегов» прослеживаются устойчивые тенденции отбора и употребления форм присоединительной связи, образующие имплицированный метапоэтический текст. Во-первых, здесь преобладают присоединительные конструкции с союзом *a*, что указывает на востребованность того смыслового содержания, которое передается этим союзным маркером (кстати, не допускающим элиминации). Во-вторых, эти присоединительные конструкции чаще всего отделяются запятой (*a* не точкой или другим знаком конца предложения), что делает менее выразительным «субъективный разрыв» [Виноградов, 1980, с. 233] с присоединяющим элементом. В-третьих, этими присоединительными конструкциями могут передаваться такие смысловые компоненты, которые оказываются необходимыми для организации смысловой связи на уровне текста и для создания художественных деталей.

Присоединение с союзом *a*, сопровождаемое отделением запятой, придает авторской речи В. Г. Лидина особый интонационно-смысловой характер и, несомненно, выступает в качестве ориентировочного указателя одной из установок художника слова, обеспечивающих синтаксические условия текстообразования.

3. Присоединение в языке и речи

Присоединение, по характеру своих союзных маркеров соотносительное с сочинением (в частности, присоединение с союзом *a*), возникло в результате интонационно-смысловой трансформации сочинительных конструкций, в которых оба элемента осмысляются как находящиеся в одной смысловой плоскости и характеризуются «относительно плавным» ритмико-мелодическим оформлением [Крючков, 1950, с. 401]. При присоединении, напротив, передается добавочность присоединяемого элемента (то есть смысловая одноплоскостность элементов исключена), а просодический контур становится прерывистым. «Присоединение, — пишет Е. И. Диброва, — связано с эмоциональным уровнем сознания, чувственно отражая явления действительности. И одновременно оно глубоко информативно, передавая содержание знания о явлении. При таком осмыслении присоединение является особой синкретичной синтаксической зоной, где когнитивная и информация тесно объединены с эмотивно-побудительными сферами <...> сознания» [Диброва, 2008, с. 260]. Действительно, присоединение — в отличие от сочинения — призвано осуществлять «смысловое

и эмоциональное усиление» высказывания «путем введения специальных дополнительных речевых компонентов» [Турсунов, 1993, с. 10].

Говоря о присоединении в языке и речи, синтаксист, казалось бы, должен описать присоединение как модель (или как синтаксическую форму, представляющую собой единство значения и средств его выражения [Ширяев, 1986, с. 5]) и варианты ее речевого воплощения. Однако некоторые ученые придерживаются мнения о том, что «с точки зрения языка присоединение — непредсказуемая связь, а с точки зрения речевого аспекта присоединяемый элемент может прогнозироваться, так как эта связь может входить в планы говорящего» [Ваулина, 2011, с. 9]. Представляется, что как «непредсказуемость» (или, согласно привычному утверждению о присоединении, непреднамеренность), так и включенность в «планы говорящего» относятся к области речевого опосредования присоединения как синтаксической формы.

Синтаксическая форма (модель) присоединения основана на семантике добавочности и таких средствах ее выражения, как просодия («понижение голоса и относительно большая пауза перед присоединяемым элементом, произносимым особым тембром» [Крючков, 1950, с. 401]), специализированные / неспециализированные союзы, порядок элементов. Специфика порядка элементов при присоединении состоит в полной невозможности изолированного от первой части употребления присоединяемого элемента [Турсунов, 1993, с. 18] и в отсутствии «обратимости отношений, так как второй элемент не однороден первому» [Диброва, 2008, с. 260]. Названные средства выражения образуют формально-конструктивную организацию присоединения. В зависимости от того, какой союз отбирает автор для присоединительной конструкции, семантика добавочности вступает во взаимодействие с теми или иными смысловыми отношениями, возникающими между присоединяющим и присоединяемым элементами. Конкретный союз, работающий на присоединение, может осложнять его формально-конструктивную организацию.

Например, благодаря употреблению союза *a* при присоединении семантика добавочности обычно комплексирована с семантикой «неодинаковости», отражающей «субъективное, чаще всего эмоционально окрашенное соединение» в той или иной мере контрастных событий «для выражения <...> рефлексии» [Надибаидзе, 2016, с. 691, 696]. Ср. предложение-высказывание, завершающее рассказ В. Г. Лидина «Электрическая ночь»: «И они (Стрежнев и его жена. — К. С.) помолчали, **a** присевшая на цветок настурции бабочка распустила свой парус и минуту спустя бросила якорь на другом цветке» [Л-80, с. 165]. Союз *a* не поддается здесь элиминации: при бессоюзии соединение предикативных частей в одном высказывании становится семантически немотивированным и конструктивно недоста-

точным. Ср.: **И они помолчали, присевшая на цветок настурции бабочка распустила свой парус и минуту спустя бросила якорь на другом цветке.* Невозможность опущения союза *a* не позволяет согласиться с тем, что «присоединительные отношения не связаны с какой-либо определенной семантикой» [Валимова, 1967, с. 130]. При присоединении союз *a* обеспечивает необходимую концептуальную (и просодическую) дистанцию предикативных частей. Очевидно, что конструктивно-семантическая значимость союза *a*, проявляющаяся в недопущении его элиминации, осложняет формально-конструктивную организацию присоединения.

Речевое воплощение присоединения, особенно в условиях разговорной речи, нередко связывают с временной отсроченностью присоединяемого элемента и с тем, что присоединяемый элемент «не имелся первоначально в виду» [Турсунов, 1993, с. 16]. Однако при анализе устного дискурса (то есть своеобразной монологической формы разговорной речи) было выяснено, что при присоединении (в цитируемой работе — «приращении») «речевая программа говорящего предполагает добавление некоторой информации, тесно связанной с уже произнесенной», причем «характер этой дополнительной информации таков, что она может быть встроена в семантико-синтаксическую структуру уже произнесенной клаузы» [Рассказы о сновидениях, 2009, с. 120]. Отсюда следует, что встречающиеся в разговорной речи синтаксические разрывы или перебивы, вовсе не направленные на экспрессивное подчеркивание добавочности, не могут быть отнесены к присоединению. В разговорной речи присоединение как таковое строится на основе намерения говорящего и в своей интенции связано с «субъективной инаковостью» [Турсунов, 1993, с. 13] информации, то есть не может быть объяснено действием синтаксического автоматизма. В художественной речи могут быть умышленно воссозданы условия непринужденной беседы, когда в уста персонажей вкладывается присоединение, но это результат намеренного синтаксического изображения. Чаще всего в художественной речи, как показал Б. Турсунов, «употребление различных присоединительных конструкций связано с сознательным намерением <...> ввести в речь дополнительный элемент, призванный либо усилить предыдущее высказывание, либо выделить во всем контексте отдельную часть» [Там же, с. 14].

Тем самым продуцирование присоединения в речи определяется намерением выразить добавочность суждения и обязательностью учета допущений и ограничений, обусловленных формально-конструктивной организацией присоединительной связи. Однако при продуцировании присоединения в художественной речи автор высказывания может учесть также необходимость дальнейшей развертки текста и включения элементов добавочного суждения в создание художественной детали.

4. Текстобразующая функция присоединения в художественно-речевом творчестве и фактор установки

Возникновение представлений о текстобразующей функции в сфере синтаксиса было обусловлено разнообразными наблюдениями над тем, как «синтаксическая структура становится стимулятором в развитии текстовых категорий» [Ильенко, 2003, с. 363]. Согласно определению С. Г. Ильенко, текстобразующая функция — «свойство синтаксической единицы “двигать” текст, принимать участие в реализации его важнейших категорий и прежде всего таких, как интеграция, членимость (делимитация), модальность» [Там же, с. 445]. Такое понимание текстобразующей функции синтаксических форм, в том числе присоединения, носит предельно обобщенный характер и по этой причине может быть отнесено к любой речевой сфере.

Однако изучение того, как осуществляется текстобразующая функция присоединения в рассказах В. Г. Лидина, свидетельствует о недостаточности такого обобщенного понимания текстобразующей функции в синтаксисе художественно-речевого творчества. Это связано с тем, что, работая над рассказом, художник слова озабочен не только и даже не столько соблюдением связности речи и подчеркиванием единства / различия модальных оценок, сколько созданием художественного мира персонажей, оттачиванием сюжетной коллизии, продумыванием путей эстетического воздействия на читателя. Крайне важно отметить, что текстобразующая функция присоединения обслуживает у В. Г. Лидина решение и тех, и других авторских задач, свойственных художественно-речевому творчеству.

Текстобразующая функция присоединения обладает в рассказах В. Г. Лидина двойственностью проявления. С одной стороны, присоединение, нацеленное на «все то, что автор желает подчеркнуть, выделить, как бы вынести на поверхность, обособить» [Турсунов, 1993, с. 17], и обеспечивающее тем самым актуализацию той информации, которая добавляется к уже законченному в формально-смысловом и просодическом планах высказыванию, побуждает использовать отдельные «кванты» этой актуализованной информации для перспективной смысловой связи. При «движении» текста они воспроизводятся благодаря повтору на основе свертывания в номинацию, отрыва номинации, а также синтаксического переоформления суждения, заключенного в присоединяемом элементе. С другой стороны, присоединение, производя фокусировку внимания на добавочном суждении и допуская при развертке текста преобразование добавочного суждения в номинацию или подчеркнутое выделение номинации в другом суждении, способствует созданию художественной детали, то есть «значимой подробности изображенного мира персонажей, их облика и внутренней жизни» [Тюпа, 2008, с. 54].

Благодаря реализации текстообразующей функции присоединения В. Г. Лидиным созданы художественные детали таких разновидностей, как интерьерно-эксфрасисная, пейзажная и аллюзивная. При повторе художественная деталь подается (и воспринимается) более четко, чем в составе присоединяемого элемента, и «осуществляет конструктивно-смысловое “сцепление”» [Там же, с. 54] частей рассказа, внося вклад в его мотивную структуру.

В. Г. Лидин пристрастен к присоединению (особенно с союзом *a*): употребляет его почти в каждом рассказе и то и дело включает его в выполнение двойственной в художественно-речевом творчестве текстообразующей функции. Очевидно, что в «синтаксическом багаже» (термин А. М. Пешковского) писателя в последние годы жизни фиксированная установка на присоединение, то есть «готовность» [Узнадзе, 2014, с. 212] к использованию этой связи, выступающая как своего рода «готовая формула» [Там же, с. 248] в его литературной речевой деятельности, была в высшей степени активна. Нужно заметить, что направленность на присоединение у В. Г. Лидина, поддержанная фиксированной установкой, носит вовсе не стереотипный характер [Асмолов, 1979, с. 114], так как присоединение употребляется им по-разному и текстообразующая функция присоединения реализуется неодинаково.

Как утверждал Д. Н. Узнадзе, «мир значений построен на почве установок» [Узнадзе, 2014, с. 257]. По-видимому, семантика добавочности, экспрессивно подчеркиваемая значением союза *a* («неодинаковость» и «рефлексивность»), побуждала писателя обратиться к форме присоединения потому, что благодаря этой семантике может быть выделен смысловой компонент, способный как осуществить при «движении» текста смысловую связь, так и стать основой художественной детали. Отсюда следует, что именно фактор установки вносит стабильность и целесообразность в употребление присоединения с союзом *a*, распространяя ее не только на высказывание с добавочным суждением, но и на рассказ как связную речь и как художественное целое.

5. Присоединение в рассказах В. Г. Лидина «Фуга», «Радуга», «Вокзальный буфет»: анализ употребления

В рассказе «Фуга» повествуется о том, что когда-то в молодости художник Сергей Корнаков написал портрет выпускницы Московской консерватории Оли Свержеевой, влюбленность в которую не переросла в нечто большее, и о том, что спустя много лет в мастерскую Корнакова приходит взрослая дочь Ольги Николаевны Свержеевой и просит убрать с края портрета чернильное пятно. Ср.: «*Он* (Корнаков. — К. С.) *писал портрет акварелью, только акварель могла передать и тонкую одухотворенность лица, и меч-*

тательность серых глаз, и музыкальную руку, кисть которой свисала с края стола, а на столе в вазе оранжево теплелись настурции...» [Л-80, с. 196] и *«Девушка достала из старинной папки для нот портрет, а чернилами залита была часть акварели — ваза с настурциями»* [Там же, с. 197].

В. Г. Лидин, прибегая к присоединительной конструкции с союзом *a*, делает передаваемую посредством этой синтаксической структуры информацию не только добавочной, но и выделенной, актуализированной, как бы предвосхищая ее значимость для сюжета рассказа. В авторской речи союз *a* отображает рефлексивный настрой персонажа и особую сосредоточенность персонажа на том, о чем говорится в присоединяемом элементе. Повторное обращение к этой информации, нацеленное не на описание ситуации, а на конкретизированное обозначение принимавшего в ней участие предмета, приводит к свертыванию присоединительной конструкции в номинацию — бисубстантивное словосочетание с атрибутивно-объектными отношениями *ваза с настурциями*. Этот переход от присоединения предикативной конструкции к номинации обеспечивает, с одной стороны, смысловую организованность композиции, а с другой стороны, создание художественной детали интерьерно-экспрессивной разновидности (от описания подробности обстановки до наименования этой подробности, запечатленной на картине).

Переходя из авторской речи в речь персонажа, словосочетание претерпевает такую лексическую трансформацию, как замена зависимого компонента на гипероним. В разговоре с девушкой Корнаков говорит: *«Я отрежу часть акварели и напишу новую вазу с цветами»* и *«Напишу, однако, не только вазу с цветами, но еще и ваш портрет»* [Там же, с. 197]. Это связано, во-первых, с общей тенденцией разговорной речи к употреблению гиперонимов вместо гипонимов, а во-вторых, с изображением отстраненного взгляда мастера.

В рассказе «Радуга» сообщается о том, что к тяжело заболевшей колхознице Дарье Кондратьевне приезжают дочь Маня и сноха Клавдия. Если Маня обеспокоена состоянием здоровья матери, то Клавдия — тем, как будет разделено имущество в случае смерти свекрови. Присоединительную конструкцию с союзом *a* В. Г. Лидин использует при описании дома Дарьи Кондратьевны, добавляя информацию об одном из элементов пейзажа и как бы отделяя ее, ставя на ней особый акцент. Ср.: *«Дарья Кондратьевна после смерти мужа, хорошего каменщика, сложившего в их колхозе не одно кирпичное здание, жила в своем домике, однако не кирпичном, а деревянном, но ладном, с садиком и яблоньками в нем, а возле дома цвел из года в год про-сви́рник лиловый и розовый»* [Там же, с. 225]. Спросив Клавдию о внучках и услышав, что одна из них уже перешла во второй класс, а другая пойдет в школу на будущий год, Дарья Кондратьевна посмотрела *«чуть в сторо-*

ну, в окно, за которым качал своими цветными головками просвирник, из года в год шел он, лиловый и розовый <...> [Там же, с. 227].

Повторяя информацию, содержащуюся в присоединяемом элементе, В. Г. Лидин распределяет ее по разным предикативным конструкциям, добиваясь подчеркнутого выделения «кванта» информации 'просвирник' в позиции подлежащего — субстантивного и прономинального. Такое синтаксическое переоформление добавочного суждения оказалось востребованным потому, что оно позволяет, с одной стороны, обеспечить смысловую связь на основе размещения существительного и его анафорического заместителя в синтаксически приоритетной актантной позиции, а с другой стороны, создать условия для того, чтобы один из элементов пейзажа стал восприниматься в качестве художественной детали пейзажной разновидности. Более того, просвирник предстает в рассказе как своеобразный символ обновляющейся жизни: вовсе не случайно о нем говорится после того, как Дарья Кондратьевна, находящаяся на пороге смерти, спрашивает о своих внуках.

Важно сказать о том, что союз *a* подчеркивает некую неодинаковость содержания присоединяемого элемента (ее усиливают детерминанты), но семантики рефлексии в самом присоединении здесь нет. Она возникает только *post factum*, под влиянием условий употребления синтаксически переоформленного добавочного суждения, выраженного присоединительной конструкцией. Это подтверждает, что «значения присоединительных связей вскрываются в широком контексте» [Крючков, 1950, с. 400].

Для присоединения с союзом *a*, представленного в рассказах «Фуга» и «Радуга», характерен контактный повтор в начале присоединительной предикативной конструкции члена из состава ремы предшествующей предикативной конструкции (ср.: *...с края стола, а на столе...* и *...в нем, а возле дома...*), свойственный еще древнерусскому синтаксису [Стеценко, 1962, с. 45—46]. В современной речи подобный повтор ремы при присоединении с союзом *a* «создает <...> особый синтаксический строй, имитирующий сказ» [Надибадзе, 2016, с. 701].

Рассказ «Вокзальный буфет» посвящен шестилетнему мальчику Алексею Бутыреву (так официально называет его автор) и его матери Фросе, которые после ухода из семьи отца живут в тяжелой нужде. Алексей часто прибегает к матери, работающей судомойкой в станционном буфете, и все вокруг жалеют мальчика и стараются помочь ему. Например, строгий швейцар ресторана Андрей Прокофьевич подарил башмаки, купленные для внука. Повествование ведется с точки зрения ребенка-дошкольника, многое как бы пропущено через его миропонимание и, главное, через его небольшой пока языковой опыт. В. Г. Лидин употребляет присоединение с союзом *a* для включения конструкции с прямой речью. Ср.: «Станция

была большая, с буфетом и рестораном, а мать однажды сказала отцу: **“Уходи, ради бога... уходи на все четыре стороны”** <...>» [Л-80, с. 104].

По семантике подобное присоединение с союзом *а* близко к сочинительным конструкциям, в которых союз *а* применяется как «сигнал о своего рода “повороте повествования”» [Урысон, 2011, с. 255]. Резкое и сначала кажущееся семантически немотивированным добавление конструкции с прямой речью, осуществленное благодаря присоединению с союзом *а*, позволяет вычленить главное — адвербиальный фразеологизм, обозначающий не определенное направление (ср.: *идти на все четыре стороны* и *идти направо*), а фразеологический локус, в семантике которого направление движения является неопределимым.

Фразеологизм *на все четыре стороны* ‘куда только хочется, куда угодно’ [РФ, с. 670], услышанный от матери, запомнился мальчику, но был осмыслен, скорее, как свободное словосочетание. Согласно замечанию И. Ю. Третьяковой, «дети приспособливают фразеологические единицы для более точного описания элементов конкретной ситуации <...>. Для ребенка замена компонента фразеологизма не является намеренной трансформацией — это спонтанный процесс в использовании фразеологизма» [Третьякова, 2011, с. 31].

Алексей Бутырев употребляет этот фразеологизм как в неизменном виде, словно повторяя его за матерью (ср. в беседе со швейцаром Андреем Прокофьевичем: «Он (отец. — К. С.) **на все четыре стороны** ушел» [Л-80, с. 107]), так и в преобразованном, на что опосредованно указывает авторская речь. Ср.: «<...> отец прислал **со своих четырех сторон** письмо: “Как устроюсь, начну посылать денежное вспомоществование”, но, должно быть, так и не устроился, не стал посылать денежное вспомоществование или забыл» [Там же, с. 104]; «Рельсы, голубовато отражавшие небо, уходили направо и налево, — налево была Москва, куда он ездил раз с матерью, а направо — **все четыре стороны**, куда ушел отец, и незачем искать его, раз они с матерью стали не нужны ему» [Там же, с. 111].

По сравнению с узуальным фразеологизмом, в свободно-синтаксическом переосмыслении выражающим дейктическое значение ‘по направлению от говорящего’, трансформ *со своих четырех сторон* вызван необходимостью передать дейктическое значение ‘по направлению к говорящему’. Трансформ *все четыре стороны* является в детском языковом сознании подобным топониму (ср. противопоставление *Москва* — *все четыре стороны*).

Воспроизводство фразеологизма *на все четыре стороны*, том числе в преобразованном виде, приводит к созданию, с одной стороны, композиционно-смысловой связи в рассказе, охватывающей его как целое, а с другой стороны, художественной детали аллюзивной разновидности, образу-

ющей лейтмотив рассказа. В данном случае аллюзия обоснована как коннотацией цитатности в рамках рассказа, так и «народным колоритом» [РФ, с. 670], свойственным этому фразеологизму в современной речи.

Анализ употребления присоединительных конструкций с союзом *a*, отделенных запятой, в трех рассказах В. Г. Лидина свидетельствует о том, что, отбирая присоединение для синтаксической развертки предложения-высказывания, художник слова как бы предвосхищает участие присоединяемого элемента в текстообразовании. Причем присоединение не является ни спонтанным, ни непреднамеренным, его функционирование в художественной речи строится на том, что «присоединяемый элемент выделяется на основе субъективного фактора, внутреннего авторского замысла» [Диброва, 2008, с. 260], иначе говоря, — на основе установки. Это подтверждается обращением писателя к реализации текстообразующей функции присоединения. Во всех трех рассказах В. Г. Лидина текстообразующая функция присоединения носит двойственный характер: благодаря ей осуществляется, с одной стороны, смысловая связность речи, а с другой стороны, создание художественных деталей.

При этом в художественно-речевом творчестве В. Г. Лидина текстообразующая функция присоединения не сводится к формальному повтору тех единиц, которые входят в присоединяемый элемент: для творческого почерка писателя характерна смысловая динамика этих единиц, обусловленная разными их трансформациями и связанная с необходимостью обеспечить сюжетно-композиционную организацию повествования.

6. Заключение

Итак, анализ употребления присоединительных конструкций в поздних рассказах В. Г. Лидина дает возможность сформулировать выводы, касающиеся проблем сущности присоединения как явления языка и речи, а также специфики текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве.

1. Присоединение является особой синтаксической формой, призванной объективировать семантику добавочности в результате взаимодействия таких средств выражения, как просодия, специализированные / неспециализированные союзы, порядок элементов. При развертке присоединительной конструкции учитываются допущения и ограничения, заданные синтаксической формой присоединения (например, запрет на обратимость присоединяющего и присоединяемого элементов, возможность / невозможность опущения союза и др.). Препятствуя элиминации, союз (в частности, союз *a*) обнаруживает свою конструктивно-семантическую значимость в речевой структуре присоединения.

2. Присоединению, особенно в художественной речи, свойственна намеренность продуцирования. На это указывает то, что в рассказах В. Г. Лидина, метапоэтику которого отличает пристальное внимание к синтаксису, представлен имплицитный метапоэтический текст, отражающий не только направленность на присоединение как таковое, но и характерные способы его оформления (союз *a*, отделение запятой и др.). Обращаясь к присоединению, художник слова реализует установку, определяющую продуцирование присоединительной конструкции, а также ее участие в организации повествования как связной речи и как художественного целого.

3. Textoобразующая функция присоединения в художественно-речевом творчестве проявляется двояко: присоединение, обладающее актуализирующим потенциалом, позволяет выделить в добавочном суждении (= в присоединяемом элементе) тот или иной смысловой «квант» и создать на его основе как композиционно-смысловую связь, так и художественную деталь.

Источники и принятые сокращения

1. Л-63 — *Лидин В. Г.* О писательском деле / В. Г. Лидин. — Москва : Советская Россия, 1963. — 71 с.
2. Л-80 — *Лидин В. Г.* Таяние снегов : рассказы / В. Г. Лидин. — Москва : Советский писатель, 1980. — 328 с.
3. Л-91 — *Лидин В. Г.* Четыре времени года : рассказы, эссе / В. Г. Лидин. — Москва : Советский писатель, 1991. — 320 с.
4. РФ — *Русская фразеология : историко-этимологический словарь* / под ред. В. М. Мокиенко. — Москва : Астрель, 2005. — 926 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка / А. Г. Асмолов. — Москва : МГУ, 1979. — 150 с.
2. *Валимова Г. В.* Функциональные типы предложений в современном русском языке / Г. В. Валимова. — Ростов-на-Дону : РГУ, 1967. — 330 с.
3. *Ваулина Т. Л.* Присоединительные конструкции в языке современной газеты : структурные, семантические и функциональные особенности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. Л. Ваулина. — Челябинск, 2011. — 20 с.
4. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы : избранные труды / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1980. — 360 с.
5. *Диброва Е. И.* Избранные работы : в 2 томах / Е. И. Диброва. — Москва : ТВТ Дивизион, 2008. — Том 2. — 470 с.
6. *Зализняк А. А.* О месте категории присоединения в описании коннекторов русского языка / А. А. Зализняк // Съюставительно езикознание. — 2017. — Том 42, № 4. — С. 21—34.
7. *Ильенко С. Г.* Русистика : избранные труды / С. Г. Ильенко. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. — 674 с.

8. Крючков С. Е. О присоединительных связях в современном русском языке / С. Е. Крючков // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — Москва : Учпедгиз, 1950. — С. 397—411.

9. Надибаидзе О. Ш. Слово «а» в словаре (материалы для словаря служебных слов) / О. Ш. Надибаидзе // Язык : поиски, факты, гипотезы : сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой. — Москва : ЛЕКСПУС, 2016. — С. 686—707.

10. Огнев А. В. Русский советский рассказ 50—70-х годов / А. В. Огнев. — Москва : Просвещение, 1978. — 208 с.

11. Попова И. А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке / И. А. Попова // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — Москва : Учпедгиз, 1950. — С. 355—396.

12. Рассказы о сновидениях : Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 736 с.

13. Стеценко А. Н. Сложносочиненное предложение в древнерусском языке / А. Н. Стеценко. — Томск : ТГУ, 1962. — 131 с.

14. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология / И. Ю. Третьякова. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. — 290 с.

15. Турсунов Б. Присоединение как особый тип синтаксической связи : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Б. Турсунов. — Санкт-Петербург, 1993. — 36 с.

16. Тюпа В. И. Деталь / В. И. Тюпа // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / ред. Н. Д. Тamarченко. — Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — С. 54.

17. Узнадзе Д. Н. Философия. Педагогика. Психология : наука о психической жизни / Д. Н. Узнадзе. — Москва : Смысл, 2014. — 367 с.

18. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов : лингвистические данные о деятельности сознания / Е. В. Урысон. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — 336 с.

19. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев. — Москва : Наука, 1986. — 223 с.

20. Штайн К. Э. А. А. Потебня : Диалог во времени / К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. — Ставрополь ; Ростов-на-Дону : Книга, 2015. — 640 с.

21. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. — Москва : Учпедгиз, 1958. — 188 с.

MATERIAL RESOURCES

L-63 — Lidin, V. G. (1963). *About writing*. Moscow: Soviet Russia. 71 p. (In Russ.).

L-80 — Lidin, V. G. (1980). *Melting snow: stories*. Moscow: Soviet writer. 328 p. (In Russ.).

L-91 — Lidin, V. G. (1991). *Four seasons: stories, essays*. Moscow: Soviet writer. 320 p. (In Russ.).

RF — Mokienco, V. M. (ed.). (2005). *Russian phraseology: a historical and etymological dictionary*. Moscow: Astrel. 926 p. (In Russ.).

REFERENCES

Asmolv, A. G. (1979). *Activity and installation*. Moscow: Moscow State University. 150 p. (In Russ.).

Dibrova, E. I. (2008). *Selected works, 2/2*. Moscow: TVT Division. 470 p. (In Russ.).

- Ilyenko, S. G. (2003). *Russistics: selected works*. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Herzen, 674 p. (In Russ.).
- Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (eds.). (2009). *Stories about Dreams: Corpus Study of Russian Oral Discourse*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 736 p. (In Russ.).
- Kryuchkov, S. E. (1950). About connecting connections in modern Russian language. In: *Questions of syntax of modern Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 397—411. (In Russ.).
- Nadibaidze, O. Sh. (2016). The word “a” in the dictionary (materials for the dictionary of official words). In: *Language: searches, facts, hypotheses: a collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of Academician N. Yu. Shvedova*. Moscow: LEXRUS. 686—707. (In Russ.).
- Ognev, A. V. (1978). *Russian Soviet story of the 50—70s*. Moscow: Education. 208 p. (In Russ.).
- Popova, I. A. (1950). Compound sentence in the modern Russian language. In: *Questions of the syntax of the modern Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 355—396. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1958). *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 188 p. (In Russ.).
- Shiryaev, E. N. (1986). *Unionless complex sentence in modern Russian language*. Moscow: Nauka. 223 p. (In Russ.).
- Stein, K. E., Petrenko, D. I. (2015). *A. Potebnya: Dialogue in time*. Stavropol; Rostov-on-Don: Kniga. 640 p. (In Russ.).
- Stetsenko, A. N. (1962). *Compound sentence in the Old Russian language*. Tomsk: TSU. 131 p. (In Russ.).
- Tretyakova, I. Yu. (2011). *Occasional phraseology*. Kostroma: KSU im. N. A. Nekrasova. 290 p. (In Russ.).
- Tursunov, B. (1993). *Joining as a special type of syntactic connection*: author’s abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 36 p. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2008). Detail. In: *Poetics: a dictionary of actual terms and concepts*. Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. 54. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2011). *Experience in describing the semantics of alliances: linguistic data on the activity of consciousness*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 336 p. (In Russ.).
- Uznadze, D. N. (2014). *Philosophy. Pedagogy. Psychology: the science of mental life*. Moscow: Smysl. 367 p. (In Russ.).
- Valimova, G. V. (1967). *Functional types of sentences in modern Russian language*. Rostov-on-Don: RGU. 330 p. (In Russ.).
- Vaulina, T. L. (2011). *Joining structures in the language of a modern newspaper: structural, semantic and functional features*: author’s abstract of PhD. Diss. Chelyabinsk. 20 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1980). *About the language of fiction: selected works*. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2017). About the place of the category of joining in the description of the connectors of the Russian language. *Comparative studies*, 42/4: 21—34. (In Russ.).